

— Актер, режиссер, руководитель театра, секретарь Театрального союза — вы, Олег Павлович, к такой жизни привыкли?

— Если вы имеете в виду тот сумбур вместо музыки, который называется перестройкой, то я очень занят, и в этом смысле привык. Последние пятнадцать лет в основном я занимаюсь тремя делами. Это — актерской своей работой, обучением молодых театральной профессии и режиссурой.

— На такую актерскую судьбу, наверное, грех жаловаться. А вашего юного героя из пьесы Розова «В добрый путь!», мальчика с горящими глазами и чистой душой, наверняка помнят все, кому сейчас за сорок. Он для вас, наверное, так же дорог? Вы работаете с молодыми — они на него похожи?

— Знаете, я в каком-то смысле пережил судьбу, начав пятнадцать лет назад работать с молодыми, вести свои курсы. Это очень важно. Им небезопасно говорить глупости, они не столь воспитанны, чтобы не выпаривать своего несогласия с тобою, и не столь хитры, чтобы не скрыть разочарования тобой. Все это вместе взятое заставляет быть в форме. А тот парень — он часть моей счастливой юности, а с годами это все больше похоже либо на стихи, либо на сказку. Глупо желать испытать это вновь или рассуждать о правоте юности. Я отношусь к этому по-другому. Это было, и прекрасно, что господь дал это испытать.

— Но этого прекрасного мальчика ведь ждало разочарование — он воевал против символа мещанства —

полированных столов, а сейчас выяснилось, что они ни в чем не виноваты.

— Знаете, у Розова среди прочих его талантов есть еще и талант социального диагностирования. Время заставляло его применять метафору. Разговор шел о траченной молью душе, об утрате смысла жизненного, о разочаровании, а называлось это вещизмом.

— Легенд и вокруг ваших героев, и вокруг спектаклей «Современника» ходило много. Помню, друг другу передавали, как после спектакля «Большевики» вдохновленный Никита Сергеевич Хру-

Сов. Эстония. - Таллинн. - 1991. - 7 страниц
«И ВОТ ЭТО И ЕСТЬ ОБЪЯСНЕНИЕ»

щев увез вас к себе на дачу.

— Ну, все не совсем так, там была большая предыстория дружбы Олега Николаевича Ефремова с Алексеем Ивановичем Аджубеем, и моего близкого с ним приятельства. Там много разного, и все было долговременнее и обстоятельнее, чем эффектные рассказы. Я вам другую про Никиту Сергеевича историю расскажу.

Он пришел на «Макбета» в Театр Советской Армии уже будучи в отставке. Я сидел рядом с бывшим завлитом ЦТСА, и когда Никита Сергеевич протискивался по ряду — кстати, лицом к дамам проходил! — мой сосед любезно поздоровался с ним. Никита Сергеевич был очень счастлив, обрадовался, тоже захотел ответить лю-

безностью, и сказал: «Вот, пришел посмотреть, как королей с работы снимают».

Он все-таки из героев моей жизни, Никита Сергеевич Хрущев. Я когда прихожу на Новодевичье и кладу цветочки на могилу моего учителя Василия Осиповича Топоркова, всегда делаю шагов двадцать вперед, чтобы положить цветочки и на «двуликий» памятник на могиле Хрущева.

— Вы переиграли много людей и даже зверей. Романтических мальчиков, циника Балалайкина, скептика кота Матроскина, горячо любимого всеми.

— В том числе и президентом.

— Некоторые ваши герои продолжили свое существование за сценой и экраном, и с ними происходили всякие казусы в реальной жизни. Всегда хотела вас спросить: скажите, правда ли, что замечательной фразой кота Матроскина «корова — государственная, а теленок мой» всерьез занялись вполне ответственные юристы, и на страницах серьезной газеты всем растолковали, что Матроскин не прав, теленок тоже государственный?

— Много разного было, что только не встречало в ответ удивленно поднятых бровей...

— А актерские мечты вас одолевают? Кого хотите сыграть?

— О! Хотел бы сыграть Санчо Панса...

— Дон-Кихота себе нашли?

— Почему бы Гафту не стать Дон-Кихотом? Я хотел бы сыграть старика Акима из «Власти тьмы», хотел бы сыграть Вилли Ломэна из «Смерти коммивояжера», Хлынова из «Горячего сердца». Хотел бы сыграть и поставить всего Вампилова, попробовать поставить Чехова — пока то, что я делал, неудачно, на мой взгляд... Я много чего хочу сыграть и поставить.

— Во время нынешнего короткого пребывания в Тал-

линне уже много раз вспоминались первые гастроли у нас молодого «Современника». Но я свидетель — они оставили в памяти такой сильный отпечаток, что можно сказать, вошли в историю культуры города.

— Таллинн в ту пору ода-рил нас и лаской и нежностью — и тогда они нас ждали не во всех концах страны. А Таллинн остался в нас — и поэтому, наверное, я так хотел, чтобы сюда приехали мои молодые актеры.

— Вашим молодым с вами, наверное, и трудно, и легко. С одной стороны, вы их защищаете от многих ветров, с другой, — очевидно, дерете три шкуры — судя по тому, как они работают.

— Моя педагогическая ра-

бота, я уже говорил, одно из трех моих основных дел. Я умею учить актеров хорошо играть — не всегда, но более-менее бесперебойно. Это нормальная традиция русского психологического театра со всеми вытекающими из этого «чудами». «Чуда» эти связаны с актерскими достижениями. Для меня все-таки ансамбль, который иногда складывается — самое главное чудо театра. Все остальные театральные чудеса меня завораживают минут на пять, на десять. Чудо — только когда на сцене из актера рождается существо со своими законами бытия, а не когда произнесение слов вслух выдается за тайну искусства.

Зачем, кажется, мне заниматься всем этим? Жизнь благополучная, вроде, финансово я давно независим,

уже 15 лет ставлю за рубежом.

— Сейчас вы в Хельсинки ставите, да?

— Да, и уже не первый спектакль. И южные корейцы приглашают, и американцы, и жизнь расписана на два года вперед. Но... Жизнь будет продолжаться и после меня — эта мысль существенная, назовем ее так осторожно. И то, что сделал в моей жизни Олег Ефремов, — очень важно, чтобы оно случалось дальше. Бла-

годаря этому я сделал то, что сделал. И, может быть, Саша Марин, мой ученик, надеюсь, сделает то же. И дай Бог, чтобы так продолжалось. И вот это и есть объяснение...

Беседы вела
 Этери КЕКЕЛИДЗЕ.
 На снимке: Олег Табаков с дочерью Александрой, актрисой театра-студии О. Табакова.

Фото Виктора Рудько (Пресс-студия ЮВ).